

С.А. Жебелев

**Евангелия канонические и
апокрифические**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С11

С11 **С.А. Жебелев**
Евангелия канонические и апокрифические / С.А. Жебелев – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 127 с.

ISBN 978-5-517-90915-2

Предлагаемый очерк «Евангелия канонические и апокрифические» возник из курса общедоступных лекций, прочитанных автором в Первом Петроградском университете в 1918 году. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1919 года.

ISBN 978-5-517-90915-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

не всегда в состоянии дать ответы на эти вопросы, получается своего рода заколдованный круг, в лучшем случае — уравнение со многими неизвестными.

2. Стоит ли пытаться решать это уравнение? Стоит ли к массе книг, существующих об евангелии, прибавлять новую? Вопросы вполне резонные, и, чтобы не возникло, с самого же начала, недоумений между читателем книги и ее автором, последний должен дать на них посильные ответы. Они сводятся к установлению следующих положений: а) Продолжительное, упорное, внимательное изучение евангелия многими учеными — а среди них были и бывают выдающиеся умы — должно было, разумеется, привести и принесло плоды: если далеко не на все, то на некоторые вопросы, относящиеся к евангелию, наука дает теперь вполне точные и определенные ответы. По многим другим вопросам ученые, повидимому, приблизились к наиболее правдоподобному их разрешению. В такой сложной и ответственной проблеме, как вопрос об евангелии, полезно постоянно помнить о различии между истинным, правдоподобным и вероятным, и там, где это нужно, подчеркивать это различие со всею решительностью, предпочитая, по ходу дела, откровенно сказать: не знаем, не можем решить, нежели строить такие предположения, обосновать которые либо не представляется возможным, либо не хватает сил. б) За последнюю четверть века интерес к евангелию проявлялся в ученой западно-европейской литературе чрезвычайный, причем поставлены были на очередь многие вопросы, связанные с евангелием, совершенно заново, намечены были новые пути в деле его изучения. Русские ученые, и богословы и историки, остались, пока что, в стороне от этого движения, несмотря на то, что наше общество за последние годы горячо интересовалось и интересуется религиозными вопросами. А так как обсуждение этих вопросов неизбежно всегда восходит и будет восходить к евангелию, как первооснове и

первоисточнику христианства и христианского вероучения, то автору настоящего „общего очерка“ и казалось небесполезным познакомить читателя, познакомить бесхитростно и бесприязнательно, с теми результатами в деле изучения евангелия, которые могут быть признаны более или менее прочно установленными, отметить, какие стороны евангельской проблемы все еще остаются нерешенными, указать, отчасти хотя бы, на те новые пути в деле изучения евангелия, которые, за последнее время, в ученой литературе обозначились.

3. Однако, и ограничив свою задачу, автор не мог, да и не смел коснуться евангельской проблемы во всей ее совокупности. Проблема эта охватывает область слишком широкую, сложную и разнообразную. Евангелие изучали и изучают, преимущественно, с четырех основных точек зрения. Другими словами, к доставляемому евангелием материалу ученые подходили и подходят с четырех, хотя и различных, но тесно друг с другом соприкасающихся, сторон: богословско-философской, историко-критической, литературно-исторической и формально-филологической.

Успешнее всего шла работа формально-филологическая. Самый текст евангелия может считаться теперь установленным прочно и надежно на основании сохранившегося до нас рукописного предания. В связи с этою формально-филологическою работою на прочную почву встало и реально-филологическое изучение евангельского текста, его эксегеза, толкование евангельских „реалий“.

Богословская литература, посвященная евангелию, как книге боговдохновенной, огромная. Так как автор „очерка“ не богослов и вопросами, относящимися к богословию, не занимался, то с его стороны было бы дерзостью входить в разбор евангельского богословия. К тому же, при обсуждении его, неминуемо приходится сталкиваться с конфессионализмом, а уже одно это лишает возможности выдержать строго-объективную позицию.

Историк пользовался и пользуется евангелием, как главным и основным источником для изображения жизни и деятельности основателя христианства. Задача эта сопряжена с непреодолимыми затруднениями. Известно, что достоинство всякой биографии зависит от количества и качества источников, легших в ее основание. Вопрос об источниках евангелия, как придется еще указывать ниже, поставлен очень остро и окончательного разрешения не получил. Позволительно вообще спросить: в состоянии ли мы сказать что-либо вполне определенное о жизни Христа, если оставаться на почве строго научного исследования? Пока не будет доказано, что евангелие должно считаться историческим источником для воссоздания реальной, фактической биографии Христа, самое большое, что мы можем извлечь из евангелия, сводится к тому, что мы, на основании евангельских показаний, получаем представление, как думала о Христе первоначальная христианская община, во что она верила.

Рассматривая евангелие, нельзя упускать из виду, что оно не только боговдохновенная книга, не только исторический источник, но что оно прежде всего памятник литературы. Можно утверждать даже большее: историко-литературная оценка евангелия должна предшествовать оценке его и с специально богословской и с исключительно исторической точек зрения. Господствовавшее раньше стремление изолировать не только евангелие, но и вообще памятники ранне-христианской литературы, поставить их вне связи с современной им, или близко предшествовавшей им однородной литературой, вряд ли могло содействовать установлению правильного взгляда на евангелие, как памятник литературы. Теперь замечается другая тенденция: не отрывать евангелия от окружающей его литературной среды, но сблизить его с нею. И такая постановка дела должна быть признана и правильной и целесообразной. В самом деле: изолировать ранне-христианские памятники, в том числе и евангелие, из предшествовавшей им

и современной им литературы значило бы встать, при их оценке, на фальшивую точку зрения, рассматривать их с специфическими целями, отказаться от сравнительного метода их изучения, и тем самым не повысить, а понизить их значение в общей истории человеческой культуры. Всякое произведение мысли человеческой лучше всего постигается из сравнения его с подобными ему, или близкими к нему другими произведениями. И те исследователи памятников раннехристианской литературы, которые боятся, как греха смертного, искать к ним параллелей и аналогий в языческой литературе, им предшествовавшей и им современной, вряд ли стоят на правильном пути. Разумеется, всякое сравнительное изучение литературных памятников должно быть производимо с большою осмотрительностью, без каких-либо предвзятых стремлений и намерений, без привлечения аналогий сомнительных, параллелей неубедительных. Но с тем большим основанием историк литературы должен отмечать то, что, действительно, аналогично, что, на самом деле, параллельно. Работать в духе указываемого метода следует, однако, не торопясь, и правильнее начать работу с установления мелких, но строго фактических деталей, чтобы, по мере накопления материала, переходить от него к более или менее широким обобщениям, при неперменном условии, чтобы вся работа производилась в рамках исторической перспективы. И лишь когда такая работа над евангелием, как историко-литературным памятником, будет произведена, мы будем в состоянии правильно оценить его и как исторический источник и воспользоваться показаниями евангелия для воссоздания как биографии Христа, так и основ христианского вероучения. Изучение евангелия слишком долго находилось в исключительном обладании богословов. Они сделали для изучения евангелия очень много, и заслуги их в этом отношении неоспоримы; но все же большинство богословских работ, посвященных евангелию, всегда страдали и страдают одним важным, хотя и неизбежным, по су-

шеству дела, недостатком: они односторонни и, в силу этого, неисторичны.

А это, в свою очередь, повело к тому, что две самые замечательные и блестящие попытки воссоздать, на основании евангельских сообщений, биографию Христа вряд ли могут быть признаны удачными. Если Давид Штраус в своей „Жизни Иисуса“ (сочинение появилось в 1835/6 г.) ¹⁾ зашел слишком далеко в применении критики евангельских показаний, если у него история Христа превратилась в миф о Христе, то у Эрнеста Ренана (его „Жизнь Иисуса“ появилась в 1856 г.) ²⁾ „роковой разлад между верой и наукой нашел себе разрешение в области, одинаково чуждой обим“ — в области эстетики; и исторический Иисус превратился у Ренана в Иисуса легендарного, а история Христа заменилась романом, правда, очень красивым и изящным, но все же романом. На более правильный и определенный путь научное исследование жизни Иисуса встало тогда, когда эту жизнь стали рассматривать на фоне культуры окружающего его мира, когда начали ближе присматриваться и к иудейской и к эллинской, точнее эллино-римской среде, из которой этот мир состоял. Книга Альбера Ревилля „Иисус Назарянин“ (появилась в 1897 г.) ³⁾, построенная по иному методу, чем сочинения Штрауса и Ренана, представляет несомненный прогресс; но и она страдает существенным недостатком. Окружая Христа исключительно иудейской обстановкой, Ревиль слишком поспешно устраняет обстановку эллино-римскую. А последняя, как это выясняется все более и более, играла, да и не могла не играть, очень видную роль в ту эпоху, когда протекала жизнь Христа и создавалось его учение.

¹⁾ Д. Штраус. Мифологическая История Иисуса. Перевод с 18-го издания, Спб. 1907.

²⁾ Лучший русский перевод А. С. Усовой под ред. академика Веселовского (Библиотека „Своточа“).

³⁾ Русский перевод в той же серии.

Так как евангелие является нашим главным, чтобы не сказать единственным, источником для воссоздания биографии Христа, то, понятно, по какому пути должно направляться и изучение его, как памятника историко-литературного. Мы должны не только внимательно рассмотреть евангелие, как таковое, с историко-литературной точки зрения, не только тщательно взвесить те скудные показания, какие у нас имеются об евангелии, но и близко присмотреться к тому, в каком отношении стоит евангелие к современным ему и предшествовавшим ему памятникам литературы, зависит ли оно от них и, если да, то какова степень этой зависимости.

Конечно, для правильного разумения и надлежащей оценки евангельских показаний одного исключительно литературного исследования недостаточно: оно только „поставит“ вопрос, но не „разрешит“ его. Последнее слово должно остаться за историей религий; она использует, для своих надобностей, результаты историко-литературного исследования, коль скоро последнее будет произведено на строго об'ективных началах.

Евангелие написано на древне-греческом языке. И этот внешний об'ективный признак определенно указывает, к какому отделу истории мировой литературы евангелие должно быть относимо. Этот отдел—история древне-греческой литературы, точнее сказать, тот период в истории древне-греческой литературы, который носит название периода эллинистического.

4. Терминами „эллинизм“, „эллинистический“ обозначается определенный период греческой истории, особый этап развития греческой культуры. Он начинается со времени образования мировой державы Александра Великого, следовательно с конца IV в. до Р. Хр., хотя подготовлялся он всем предыдущим развитием греческой культуры. Существенное отличие эллинистического периода от предшествующего ему периода, эллинского, заключается в том, что эллинская культура, бывшая

до того культурою местною, теперь становится культурою общемировою, что ей начинают подчиняться также и негреческие народы, оказывающие, в свою очередь, с этих пор свое влияние на культуру эллинскую. В результате этих взаимных воздействий и создается эллинистическая культура. В ее основе заложены элементы культуры эллинской, но к этим элементам присоединяются элементы культуры тех восточных стран, которые вошли в состав монархии Александра Великого и из которых самыми важными и могучими были царства египетское и сирийское, точнее передне-азиатское. Когда монархия Александра вошла в состав римского государства, последнее также восприняло элементы эллинистической культуры, удержав, однако, при этом и свои собственные национальные черты.

Конечно, процесс образования эллинистической культуры шел постепенно, развивался в отдельных странах неравномерно и не повсеместно носил одинаковый характер. Говорить обо всем этом подробно на страницах настоящего „очерка“ не представляется возможным. Но необходимо помнить, что евангелие является продуктом также этой эллинистической культуры и представляет собою памятник общей эллинистической литературы, на фоне которой оно и должно быть рассматриваемо.

К этому обязывают причины характера не только внутреннего, но и внешнего: язык, на котором написано евангелие, язык эллинистический, или, как он обыкновенно называется, *koinê*, язык „общий“, „общепринятый“. Правильнее, однако же, было бы именовать этот язык просто эллинистическим, а еще правильнее было бы называть его не языком, а диалектом, наречием, входящим в общий состав языка греческого. Распространение эллинистического языка восходит к концу IV в. до Р. Хр.; основой его является аттицизм с значительной примесью ионизма. Эллинистический язык принимал различную окраску в различных местностях, в зависимости от этнического

состава их населения; он не мог вполне вытеснить местных диалектов, но сильно сгладил их особенности.

Иудеи, жившие в Палестине, и иудеи рассеяния узнали, на первых порах, эллинистический язык из обиходного разговора, по ежедневным сношениям ради торговых и практических интересов, от более многочисленной части населения, говорившей по-гречески, но менее культивированной. Разумеется, и усвоив эллинистический язык, иудеи, в течение долгого времени, продолжали мыслить на еврейский лад. Так как дух и строй еврейского языка существенно отличается от греческого, то и в воспринятый иудеями эллинистический язык они вносили много евраизмов, придавали ему заметную евраистическую окраску. С тех пор, как на этот евраистическо-эллинистический язык были переведены книги Ветхого завета („перевод LXX толковников“), он стал языком литературным. На этом-то евраистическо-эллинистическом языке написано и евангелие.

В языке евангелия нашли отражение три элемента: эллинистический, евраистический и христианский, последний—постольку, поскольку в языке евангелия отразились христианские идеи. Исследователи евангельского языка, однако, справедливо отмечают, что христианский элемент в апостольских посланиях оказывается более значительным и отчетливым, более чистым и специально христианским, чем это наблюдается в евангелии, где он несколько окутан иудейским покровом.

5. Говоря об евангелии, мы имели до сих пор в виду исключительно так называемое четвероевангелие, т. е., хорошо всем знакомые евангелия от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Эти четыре евангелия составляют, как известно, часть Нового завета. Но, кроме этих четырех евангелий, существует много других произведений, которым также усваивается название евангелий, но которые не нашли себе места в Новом завете. Эти евангелия принято называть „апокрифическими“, в отличие от четырех ново-заветных евангелий, которые

называют „каноническими“. Последнее название объясняется тем, что эти четыре евангелия приняты церковью в ново-заветный канон. Таким образом, „апокрифические евангелия“ означают то же, что евангелия неканонические, или в ново-заветный канон непринятые.

До поры до времени мы будем иметь в виду только канонические евангелия.

6. Прежде чем приступить к их обзору, необходимо коснуться вопроса об образовании ново-заветного канона: вопрос этот имеет значение для уяснения истории евангелий.

Слово „канон“ (κανὼν), на языке раннего христианства, означавшее вообще всякую норму, всякое правило, начиная с IV в. получило специальное значение — в смысле списка ново-заветных книг, принятых церковью.

Из свидетельств писателей, из сохранившихся перечней канонических книг, наконец, на основании наиболее древних из сохранившихся рукописей Нового завета, можно установить следующие факты: а) сочинения, не находящиеся ныне в Новом завете, значились в нем в свое время наряду с сочинениями, признаваемыми теперь каноническими; б) некоторые ново-заветные книги были включены в канон уже после того, как он, в существенных чертах, был завершен.

Первоначальное христианство признавало священными и боговдохновенными писаниями книги Ветхого завета, для проповеди же и распространения нового учения пользовалось устной его передачею. По мере того, как христианство распространялось все шире и шире, охватывало все большие и большие области, а сами христиане стали все больше и больше отдаляться от тех фактов, или известий о них, на которых основывалась устная традиция, сама собою должна была явиться потребность зафиксировать такие сочинения, которые, с одной стороны, обеспечивали бы устную традицию от ошибок, искажений и даже фальсификации, а с другой — могли бы

способствовать распространению христианского учения в тех кругах, куда устное проповедничество не могло дойти. С этой целью возникли: а) апостольские послания, б) повествования о „словах“ и „делах“ Христа, которые читались при богослужении. Из этих-то сочинений, по всей вероятности, предназначенных прежде всего, для церковного употребления, и должно было возникнуть постепенно собрание ново-заветных книг. Разумеется, к употреблению при богослужении допускались только такие книги, которые были отнесены к числу священных. А таковыми в различных местах признавались далеко не одни и те же сочинения. Вот почему отдельные книги ново-заветного канона испытали различную судьбу. Ранее всего общее признание встретила значительная часть посланий апостола Павла. Затем сюда отнесены были евангелия и „Деяния апостолов“. Зато такие ново-заветные книги, как, например, послание к евреям, Апокалипсис и другие были приняты в канон сравнительно поздно и далеко не во всех христианских общинах. В общем можно принять, что начало созданию канона было положено во второй половине II в. (его основные составные части были „канонизированы“, быть может, уже в конце I в.), окончательное же завершение его произошло лишь в IV—V вв.—и это в восточной половине империи, а в западной еще позднее.

История образования ново-заветного канона поучительна и для канонических евангелий. Она показывает, что прошло довольно значительное время, пока евангелия были признаны каноническими. До того времени устная традиция могла продолжать разрабатывать повествования о жизни и учении Христа. Каноническим евангелиям могли предшествовать и другого рода попытки закрепить в письменной форме традицию о Христе. Наконец, наряду с каноническими евангелиями, в некоторых случаях, могли пользоваться авторитетом и евангелия, признанные потом апокрифическими. По общепринятому мнению, ново-заветный канон, в окончательном виде, составил